

Игорь ТЮЛЕНЕВ

СЕРДЦА ИХ ПРОСТЫЕ, А ДУШИ ИХ ДИВНЫ...

* * *

Николаю Гумилёву

Николай Степанович, поэты
Вспомнят ваших жён под шашлычок.
Вас Россия помнит не за это,
А за то, что слово – это Бог!

Захлебнулись воинские трубы,
В Африке изысканный жираф
В небеса вытягивает губы,
Чтоб отведать в небе райских трав.

Ты же мог, но Родину не бросил.
Мог сбежать, как все, но не сбежал...
Вынес, как шпицрутены, допросы
И, сложив стихи, под пулю встал.

Ну а пуля не такая дура,
Выбрала по сердцу молодца.
Вылетев с жужжанием из дула,
Поманила смертью храбреца.

Ты не смог от смерти отказаться.
Тормоза трамвайные свело:
– Станция какая? – Божье Царство!
А он думал – Царское Село.

* * *

Я давно отца стал старше,
А врагов за ратью рать
На Россию дьявол ташит,
А быть может, злая власть?

Игорь Николаевич Тюленев родился в 1953 году в посёлке Новоильинском Нытвенского района Пермской области. Окончил Пермский строительный техникум (1973), Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Лауреат Всесоюзного литературного конкурса им. Н. Островского (1988), премии Пермской области в сфере культуры и искусства (1999), литературной премии Республики Башкортостан им. Фатиха Карима (1996), премии Союза писателей России «Традиция» (1995). Автор шестнадцати поэтических книг. Член Союза писателей России с 1989 года.

Значит, она просто сука!
Против сук я восстаю.
И не в рыло, и не в ухо
Я её не узнаю.

Сгнили под крыльцом дреколья,
Заржавели топоры...
Не услышать крик: «Доколе?»
Хватит! Натерпелись мы!»

Тишина... Вокруг уныло
Делят воры барыши.
И глядят свиные рыла
В зеркало моей души

ВСЕЛЕНСКОЕ СИРОТСТВО

Это вечное сиротство.
Это шум воды и камня.
Вдох и выдох первородства,
Как земли кардиограмма.

Космос расставляет сети
(Прожигают их ракеты...)
Попадаются поэты –
Солнцем избранные дети.

Ну и где здесь справедливость?
Ну и где тут зло с коварством?
То Вселенная резвилась,
Ставши Божьим государством.

Да и нам какое дело,
Что шумит или грохочет?
Меркнет глаз, стареет тело,
Хоть стареть оно не хочет.

Потому не все мы дома
В полночь у окна собрались,
Старым фото из альбома
С ветром по небу скитались.

Как за плугом, шли светила,
С картой звёздную сверяясь.
Бушевала в небе сила! –
Но земного не касалась.

ПРИЧАЛ

Взял литовку, обкосил
Клумбы и кусты.

Много остаётся сил –
Возвращайся ты!

Собирается народ,
Словно на этап.
Трап опустит пароход,
Вновь поднимет трап.

Я на пристани сию
И курю в закат.
Ничего я не скажу
Тем, кто слушать рад.

Я не стану нынче пить.
Затоплю камин.
Говорят, что скучно жить,
Если ты один?

Многое что говорят,
Верить им зачем?
Вон в Москве-то кур доят,
А я кур тех ем.

ЦВЕТНИК

Тусе

Бегут, как люмпены, люпины
Ко мне по краю цветника.
Пионы подставляют спины
Июльским ливням, а пыльца,

Как бультерьер, вцепилась в пестик,
А значит, клумба жди приплод.
Цветут ирисы в нужном месте
И жёлчью жалят огород.

В центр круга, словно забияки,
Огнём украсив лепестки,
С объятиями лезут маки,
Как в полк кремлёвский – земляки.

Недавно отцвели нарциссы,
И отошла давно сирень.
Две пихты, словно кипарисы,
К шатру небес приткнули день.

Гвоздики, ландыши, ромашки,
Шиповник с розой на устах...
Я в белой вышитой рубашке,
Как деревенский Мономах.

Сижу без знаменитой шапки
 На лавочке в живых цветах.
 В траве паук ломает лапки,
 Но сеть плетёт в людских умах.

Проходит женская фигура,
 Качая ветер боковой...
 Как сноп пшеницы, белокура –
 А я расслабленный такой...

Но вдруг заметишь очумело
 След от прививки на руке,
 И первый поцелуй несмелый,
 Как шмель, пушится на щеке.

СЛУЖАНКА

Волхвы посошком выбирают дорогу.
 Мария поёт колыбельную Богу.
 Вокруг догорают пастушьи костры.
 На улице снег превращается в знамя.
 Без древка его на сугроб взгромождая,
 Проносятся ветры, как осы, быстры.

Сидит у порога служанка враскачку,
 Тепло, у коров не кончается жвачка.
 А значит, всё сходит помощнице с рук.
 И лень, и хандра, и тоска по мужскому
 Плечу, и плохая уборка по дому...
 Святое семейство не может без слуг.

Служанка впервые глядит на Младенца.
 Не знало любви её глупое сердце.
 Не знало, а нынче приходит пора.
 Безгрешна она под вселенскою ношей,
 Глядит на ребёнка, а это Сын Божий!
 Он скоро уйдёт навсегда со двора.

А нищие духом, как дети, наивны,
 Сердца их простые, а души их дивны.
 Они поддаются святой красоте.
 Младенец не сгинет в Чечне и Афгане,
 Он будет за правду в голгофском тумане.
 За бедных и сирых – распят на Кресте.

ПОЛЁТ ШМЕЛЯ

Небесный шмель упал в мою ладонь,
 Как в золотой броне пчелиный конь.
 Цветочная пыльца возшла туманом,
 Я приложил её к сердечным ранам.

Там зазвонят пчелиные луга,
На мостик встанет радуга-дуга.
В руке – кольцо серебряной калитки,
Её открою я с одной попытки.

Увижу в белом маму и отца
Стоящими у Божьего Крыльца.
Лиц не увижу, но услышу внятно:
– Зачем ты здесь? Вернись к живым обратно!

Сомкнёт молитвой небеса земля.
И я очнусь и выпущу шмеля.
Лети, любимец лиры и цветов.
Лети в луга – ты проживёшь без слов.

ПОЖАРЫ

Москва в дыму, страна в пожарах.
Сгорают русские леса...
Треск сучьев, словно треск гитары,
Когда разорвана душа.

Я в это время на машине
Катил неведомо куда.
А вдоль обочины – Россия
И люди водки и труда.

Меня встречали-проводжали,
Я ж мчал, вперяя взгляд вперёд.
А на душе копилась жалость
За брошенный в огонь народ.

Когда б скопилась в лёгких сила,
Я б тучу сдул с небес с дождём...
Чтоб вёдра набрала Россия
И потушила общий дом.

ГДЕ-ТО НА УРАЛЕ

Где-то на Урале,
В Чусовой – Перми,
Мы страну проспали –
Господи, верни!

Горный мир безмолвен.
Дольный – в стельку пьян.
Из уральских штолен
Хлещет океан.

То пожар, то вспышки,
Днём живём одним.
Вертухай на вышке
Стрельнул в птичий клин.

Что же ты, собака,
Руки распустил?
Втихаря поплакав,
Душу отпустил.

Вот она над зоной
Мечется во тьме.
Стражник в позе сонной
С финкою в спине.

Не стреляй по небу,
Бога не тревожь.
В сердце леденеет
Острый финский нож.

* * *

*«В красной рубашончке,
Хорошенький такой».*
Из песни

Надену красную рубаху!
Ну, скажут, вот ещё один?
Но голосок дробит от страху,
Что делать с ним, сообразим...

Хотелось просто выйти в поле,
Где небо в крыльях журавлей.
Где головы на частоколе
Убитых мной богатырей.

Конечно, бабочка, кузнечик
Рыдают на моём плече.
И ручеёк грядущей речки –
Как угрь в серебряном ключе.

Взгляну на частокол – не жалко
Ни той, ни этой головы.
Ты, бабочка, провинциалка.
Да мы и сами таковы.

Но кто к нам ломится с мортирой,
С тем не желаем говорить.
Не делимся, как все, квартирой.
А тупо начинаем бить!

Бьём до Парижа! До Берлина!
И до Тифлиса, может быть...
Врастает в воротник шетина,
С рубашкой станем щёки брить!

Ну а пока я добр и весел,
Почти «хорошенький такой».
Лишь сердцу не хватает песен,
Хоть птицы и поют со мной.

КОЗЁЛ

Ручьи проснулись, снег сошёл.
Словно соски, набухли почки.
Из стайки вырвался козёл
И стал бодать пивные бочки.

Старуха каменной клюкой
Козла огрела по хребтине.
Любой бы вскрикнул: «Боже мой!»
Но Бог не дал язык скотине.

Поэтому козёл рога
Направил в сторону старухи.
Старуха, будто бы яга,
Вспорхнула в небо легче мухи.

И только каменная трость
Осталась посреди дороги...
Наверно, в ней вся бабья мощь –
Уж если подводить итоги.

ДУРАК НА ТВ

Я сам себя смешить могу,
До слёз и до икоты.
Вот слово дали дураку –
В экране ну ты, что ты...

Кривляется и так, и сяк,
Тупые строит рожи.
А я не рассмеюсь никак,
Он рассмешить не может.

Смеюсь я больше над собой,
До слёз и до икоты.
А он, скотина, – над страной?
Ну, вы меня поймёте.

ВСЁ СПОКОЙНО

В России всё спокойно,
Меняется конвой.
Живут в стране привольно
Тюрьма и сторож твой.

Московское начальство
И областные псы
Венчают ложь на царство
До будущей весны!

Не спит в кустах Иуда.
Скрывается от нас.
Вот выпала секунда
Ресничкою из глаз.

Палач уединился
С бутылкой первача.
Нажрался, кровопийца,
Над жизнью хохоча.

Судьбу не нарисуешь,
Не переснимешь жизнь.
Не трогай Бога всеу –
Язык в зубах держи.

В России всё спокойно.
Меняется конвой.
Живут в стране привольно
Тюрьма и сторож твой.